

**Объектный титул русских государей:
особенности структуры и принципы формирования.**

Впервые опубликовано в: Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания. Материалы XX Международной научной конференции / РГГУ, ИАИ, Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин. М., 2008. Ч. 1. С. 121–136.

История объектного (территориального, владетельного) титула русских государей (начало исследованию которого было положено ещё А.Б. Лакиером в середине XIX в.) – одна из тем, нашедших отражение в современной отечественной историографии. Её изучением плодотворно занимается С.М. Каштанов (Каштанов С.М. О титуле московских государей в XV–XVIII вв. // Россия в IX–XX веках: Проблемы истории, историографии и источниковедения. М., 1999. С. 181–187; Он же. Состав и содержание документов «греческих» посольских книг № 1 и 2 // Россия и греческий мир в XVI веке. Т. 1. М., 2004. С. 32–38), сосредоточивший своё внимание и на отдельных элементах объектного титула (Он же. Сибирский компонент в титулатуре московских государей XVI–XVII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 3–21), появляются работы, находящиеся в контексте научной школы С.М. Каштанова (Комочев Н.А. К вопросу об изменениях в царском титуле при царе Алексее Михайловиче // Вспомогательные исторические дисциплины: Классическое наследие и новые направления. Материалы XVIII научной конференции кафедры ИВИД ИАИ РГГУ. М., 2006. С. 253–256). Сохраняют свою актуальность наблюдения А.В. Лаушкина (Лаушкин А.В. К вопросу о формировании великокняжеского титула во второй половине XV в. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1995, № 6. С. 26–36), В.А. Кучкина (Кучкин В.А. Происхождение русского двуглавого орла. М., 1999. С. 8–14), дополненные в недавнее время М. Агоштон (Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 146–167, 238–317). Наконец, специальные исследования истории объектной части титула на значительном временном промежутке предприняли А.Л. Хорошкевич (Хорошкевич А.Л. Отражение представлений о регионах государства всея Руси и Российского царства в великокняжеской и царской титулатуре XVI в. // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Wiesbaden, 2004. S. 102–127) и А.И. Филюшкин (Филюшкин А.И. Титулы русских государей. М., СПб., 2006. С. 193–210 (глава VIII. Владетельный титул в XV–XVI вв.)), обобщивший большой фактический материал по истории титула в целом.

Выводы двух последних исследований не слишком «утешительны» для выяснения принципов формирования объектного титула и его семантики. Так, А.Л. Хорошкевич, рассматривая объектный титул исключительно в контексте идеологических «притязаний» и дипломатических контактов, т.е. реальных событий внешней политики (воспринимая их при этом с позиций представлений современного исследователя), делает вывод, что «механической, непосредственной по времени связи между приобретением земли и включением её наименования в титул не было, за исключением казанского, астраханского и ливонского титулов». «Обязательный корпус» титулов объектной части, по её мнению, составляли бывшие независимые княжества, именовавшиеся «великими», к которым затем прибавлялись наименования других земель, в зависимости от конкретных политических обстоятельств (или общей геополитической обстановки, именно этим объясняется слишком позднее вхождение в титул названий Нижнего Новгорода и Ярославля). «Титул притязаний, – полагает А.Л. Хорошкевич, – постоянно предшествовал титулу реального обладания, формулируя задачи внешней политики как на востоке, так и

на западе» (этот тезис иллюстрируется примерами титульных определений «лифляндский», «полоцкий» и обозначений Сибирской земли и Северной страны). А.И. Филюшкин, одним из методов исследования которого стало наложение упоминаемых в титуле территориальных объектов на современную (!) географическую карту, пришёл к следующим выводам: 1. Государев владетельный титул – это «идеальный конструкт»: «границы державы, которые реконструировались бы по титулу, не совпадали с реальными рубежами страны» (замечу, что при вышеназванном методе другого результата ожидать было бы сложно); 2. «Для отбора земель в титул были важны как раз рубежи и новые приобретения», важен был именно «порубежный» аспект «государева имени» (поскольку расширение границ государства естественным образом происходит путём присоединения ближайших к этим границам земель, то и этот вывод можно считать вполне тривиальным); 3. «На картах видно, что основная линия распространения титула... была горизонтальной – идеальный облик России строился в виде территории, вытянутой с востока на запад» (поскольку этот вывод базируется на анализе современных географических карт с нанесёнными на них объектами эпохи Средневековья, то не вполне понятно, какое отношение он имеет собственно к восприятию географического пространства именно в ту эпоху); 4. «Мы вынуждены повторить вывод о неясности критериев включения ряда внутренних земель в государев титул. На картах не видно никакой закономерности. В присвоении титулований российские государи не стремились адекватно “промаркировать” территорию страны. Их выбор достаточно произволен. Так как его... нельзя объяснить, исходя из историко-хронологических критериев, остаётся признать, что либо мы не располагаем достаточной информацией и методологическим инструментарием для понимания принципов формирования владетельного титула, либо на его облик оказали сильное влияние факторы случайности и произвольного выбора, прецедента, затем возведённого в систему». Иными словами, объектный титул формировался по каким-то неясным принципам, а, возможно, и вовсе хаотично.

Такое объяснение не может удовлетворить исследователя: представить себе, что столь важное явление, каковым бесспорно являлся государев титул (достаточно вспомнить хотя бы повышенное внимание русских дипломатов к правильному написанию царской титулатуры в документах или хрестоматийные сведения о царском титуле у Котошихина), формировалось бессистемно и произвольно, крайне затруднительно. Напротив, титул всегда был одним из важнейших способов репрезентации правителя, и допустить вариант стихийности или случайности в процессе любой его трансформации значит поставить под сомнение и саму суть подобных изменений – ибо совершенно непонятно в таком случае, зачем нужно было, к примеру, дополнять титул новым объектом, если само упоминание этого объекта не несло существенной семантической нагрузки, а возникало достаточно произвольно. Собственные исследования ряда объектов владетельного титула русских государей (Пчелов Е.В. «... И вся Северные страны повелитель»: элемент царского титула и его геральдическое «воплощение» // Гербовед. № 90. М., 2006. С. 113–119; Он же. Образы Сибири в символике власти дореволюционной России // Сибирские чтения в РГГУ. Альманах. Вып. 2. М., 2007. С. 47–55; Он же. Кабардинская земля в царском титуле и русской государственной геральдике XVI – начала XX века. Нальчик, 2007) позволяют мне высказать несколько соображений более общего характера, которые, возможно, поспособствуют прояснению вопроса о том, что же собственно представлял собой объектный титул и каким образом происходило его формирование, а некоторые конкретные предложения могут обозначить ряд перспектив в исследовании этой темы.

Прежде всего два общих положения, на которые хотелось бы обратить внимание.

1.1. Вне всякого сомнения, объектный титул русских государей, как и объектные титулы любых других правителей, фиксировал присоединение новых земель и территорий (реальное или желаемое) и в этом смысле отражал историческую реальность своего времени. Однако представления современных историков об этой реальности могут существенным образом отличаться от её восприятия современниками событий. История

титула блестяще иллюстрирует эту особенность. Например, начало присоединения Сибири в историографии традиционно связывается с походом Ермака в начале 1580-х гг. Казалось бы, именно с этого времени «сибирский» территориальный объект должен был войти в титул. Но на самом деле наименование «Сибирская земля» впервые встречается в титуле ещё в июне 1555 г., потому что в январе того года сибирский правитель Едигер обратился к Ивану IV с просьбой взять Сибирь «под его руку». А титулование «царь Сибирский» появилось в титуле в 1599 г., поскольку в августе предшествующего, 1598 года войско Кучума было окончательно разгромлено Тарскими воеводами. Совершенно очевидно, что именно события 1555 и 1598 гг. (а вовсе не поход Ермака) и были в восприятии их современников важнейшими этапами установления власти Московского царя над Сибирью. Другой пример: присоединение Астрахани во всех пособиях по русской истории датируется 1556 годом. А в титуле наименование «Астраханский» появилось уже в сентябре 1554 г., поскольку именно в этом году русские войска вошли в Астрахань. С этим событием и связывалось современниками присоединение Астраханского ханства к России (это хорошо иллюстрируют датировки некоторых дипломатических документов, где перечислено, каким годом Московского, Казанского и Астраханского царствований государя датируется данный документ). Иными словами восприятие значимости тех или иных событий и явлений, связанных с расширением Московского государства, современниками этих событий и нынешними исследователями (с позиций науки и представлений сегодняшнего дня) может кардинально различаться. Поэтому не имеет особого смысла комментирование титульных объектов сведениями о реальном процессе вхождения этих объектов в состав Московского государства – «реальность» сама по себе здесь вообще может не иметь существенного значения. Важно восприятие этой «реальности» и понимание её людьми того времени. Нет ни малейшей необходимости в этом случае выяснять, какова была «действительная власть» государя над теми или иными землями, отражёнными в титуле (как это делает М. Агоштон) – существенно определить, в связи с чем и почему эта власть считалась таковой. Принятие во внимание этого аспекта может помочь и в выяснении вопроса о временном промежутке между присоединением территории (реальном или мнимом) и её фиксацией в титуле. Исследование истории ряда титульных объектов, как кажется, показывает, что титул весьма оперативно и очень гибко «реагировал» на присоединение новых земель (во всяком случае, обозначения Сибири, Ливонии и Кавказа ясно свидетельствуют об этом).

1.2. При анализе титула необходимо учитывать особенности топографических и географических представлений людей прошлого. В этом контексте наложение титульных объектов (причём так, как они понимаются сейчас) на современную географическую карту и определение общего «вектора» титульного «пространства» в соответствии с этой картой мне представляется мало продуктивным. Совершенно очевидно, что современники могли воспринимать взаимное месторасположение различных географических объектов совсем не так, как люди сегодняшнего дня. Очень мало, что можно сказать в этом смысле о русских людях конца XV–XVI вв., но ряд европейских карт опирался на сведения русских информантов (например, карты Б. Аньезе, А. Вида и других европейских картографов). На картах XVI в. присутствуют многие титульные объекты. Например, на карте Вида 1570 г. (составленной по сведениям Ивана Ляцкого) в северо-восточной её части зафиксирована Вятская земля, над нею слева Югра, а справа Конда, справа от Конды Великая Пермь, а над нею Обдорья. А на картах из изданий С. Герберштейна Югра, напротив, занимает самое крайнее положение на северо-востоке. В то же время на этих картах Тверь расположена к западу от Москвы, ещё дальше на запад, чуть севернее находится Великий Новгород, Псков расположен почти точно на запад от Москвы, Смоленск – на юго-запад, Нижний Новгород – на восток, Рязань – на юго-восток (на других, более поздних картах XVI в. даже ближе к югу), почти точно к северу от Москвы находятся один за другим Ростов, Ярославль и Белоозеро и т.д. Я далёк от мысли сопоставлять титульные объекты с их расположением на европейских географических

картах того времени, однако, возможно, в некоторых случаях устойчивые особенности взаимной географической соотнесённости этих объектов в старой картографической традиции следует иметь в виду – во всяком случае, это сопоставление имеет не меньший смысл, чем сличение объектного титула с современной географической картой.

Относительно собственно объектного титула обращают на себя внимание следующие аспекты:

2.1. Прототипы русского объектного титула, среди которых могут быть: титул императора Священной Римской Империи Германской нации (С.М. Каштанов, М. Агоштон), титул короля Польского и великого князя Литовского (С.М. Каштанов, А.Л. Хорошкевич), титулы сербских правителей (С.М. Каштанов), возможно также сопоставление с титулами восточных государей. Причём заимствованными могут быть не только сама структура титула, но даже и отдельные территориальные атрибуты (при том, что по верному наблюдению С.М. Каштанова «порядок расстановки и конкретный состав территориальных титулов определялись русскими государственными деятелями с учётом политических интересов и политической идеологии правящих верхов Русского государства»). К сожалению, детального сопоставления русского объектного титула с современными ему объектными титулами других монархов, даже императора Священной Римской Империи, до сих пор не проведено. Между тем, такое сопоставление может объяснить появление в титуле отдельных наименований. Например, форма «Черкасских и Горских князей», возможно, возникла в русском титуле по образцу (и в какой-то степени в противовес) титула крымских ханов.

2.2. Зависимость формы титула, с одной стороны, от адресата, с другой стороны, от вида документа. На эту особенность уже неоднократно обращали внимание исследователи, выделяя различные типы интитуляции грамот и варианты, в частности, объектного титула (применительно к объектному титулу Ивана III см. работы А.В. Лаушкина, В.А. Кучкина, М. Агоштон). При этом количество вариантов (при двух-трёх основных) может быть порой весьма велико, а число вариантов наименований отдельных объектов и того больше (ливонский территориальный атрибут существовал, по крайней мере, в четырнадцати (!) вариантах). Тем не менее обычно использовались лишь несколько вариантов объектного титула: полный и более краткий (краткие), которые позволяют вычленив в объектном титуле «первичные» (для исследователя) части. При этом более полная форма титула считалась и более почётной. При обращении к европейским христианским государям использовались более полные формы, а при обращении к восточным (в т.ч. мусульманским) – более краткие (в культурно-семиотическом смысле это можно сравнить с наличием двух лестниц, и следовательно двух путей, ведущих с Соборной площади на Красное крыльцо и далее в царские палаты – более длинной для послов христианских государей и более короткой для послов мусульман или «язычников»).

2.3. Титульные определения статуса, применяемые к тем или иным территориальным объектам, также нуждаются в детальном исследовании. Такие титулы, как «царь» (Казанский, Астраханский и др.), «великий князь» (Тверской, Смоленский...), «государь», «повелитель», «обладатель», сопряжённые с определёнными наименованиями, могли свидетельствовать не только о ранговом статусе того или иного владения, но и фиксировать сам характер оногo (условное владение, протекторат, присоединение и т.п.). Значение тонких нюансов употребления тех или иных статусных титулов на примере Сибири было блестяще выявлено С.М. Каштановым. По отношению к Пскову употребление титула «государь» (а не «великий князь») восходило, например, к старой, псковской традиции (М. Агоштон). При этом отнюдь не очевидно, можно ли отдельные наименования (например, «Пермский, Вятский, Болгарский») воспринимать не как собственно определения, а в контексте того статуса, который имеет тот или иной предшествующий им территориальный элемент (как это делает та же Агоштон). Например, из сочетания «великий князь Смоленский, Тверской, Югорский, Пермский,

Вятский, Болгарский и иных» с абсолютной очевидностью не следует, что титул «великий князь» в данном случае применим ко всем территориальным наименованиям в этой части объектного титула.

2.4.1. Существенной, на мой взгляд, является возможность понимания объектного титула не как некоего однородного явления, а как определённой системы. Объектный титул имел довольно чёткую внутреннюю структуру, т.е. состоял из нескольких частей.

Поэтому названия новых территорий, входившие в титул, добавлялись к этим частям, т.е. вписывались определённым образом в уже имевшуюся структуру титула, попутно её уточняя и «развивая».

2.4.2. Эта структура в определённой степени зависела от политического статуса той или иной территории. Так, безусловно, «царства», которые были по статусу выше «великих княжеств», занимали в титуле одно из первых мест. Первые три места с конца XV в. вообще принадлежали названиям стольных городов Руси как главной «вотчины» московских правителей («Владимирский, Московский, Новгородский»). В то же время земли, подчинённость которых царской власти носила более условный характер, входили в заключительную часть титула (Сибирская земля «под рукой» государя; Ливонская / Лифляндская земля; Иверская (Кахетия) и Кабардинская земли под формальным протекторатом России). Наблюдения над использованием в титуле термина «земля» применительно к некоторым объектам позволяют полагать, что его употребление как раз и служило показателем более мягких форм зависимости (в отличие от непосредственного включения в состав государства). Таким образом, помимо статусной иерархии, определённое значение имела и «категория» владения, но видеть лишь в этих «показателях» единственный принцип формального структурирования объектного титула невозможно.

2.4.3. Исследователи обращали внимание и на географическую «ориентировку» титульных объектов. Так, С.М. Каштанов, исследуя сибирский территориальный компонент титула, отметил, что, по крайней мере, в заключительной своей части объектный титул явно был «направлен» на восток. А.И. Филюшкин вообще считает горизонтальное направление (правда, почему-то «с востока на запад») основным для формирования «идеального облика России» в рамках территориального титула. Мне представляется, что существенное значение имело не просто горизонтальное расположение векторного типа, а скорее различие центра и периферии. В самом деле, построение структуры территориального титула предполагает не столько восприятие всей совокупности объектов как некоего единого целого (подобно государствам в их границах на современной географической карте, где уже внутри государств выделяются области, провинции и другие объекты), сколько восприятие некоего локального центра, вокруг которого располагается более или менее отдалённая периферия. Если в качестве такого центра мы будем рассматривать Москву (что в данном случае вполне очевидно), то структура объектного титула (так, как она сложилась при Василии III и во многом продолжала сохраняться в дальнейшем) может предстать в следующем виде:

После объектов «Владимирский, Московский, Новгородский» (и, начиная с 1550-х гг., «Царь Казанский, Царь Астраханский») следуют объекты «Псковский», «Смоленский» и «Тверской». Они маркируют западное направление (от Москвы). Далее идут объекты «Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский», «указывающие» на восток. Затем следуют наименования Нижнего Новгорода, Чернигова и Рязани. Два последних объекта явно обозначают южный вектор. Возможно, с этим перекликается и обозначение «Низовская земля», присутствующая в наименовании нижегородского компонента. Следующие объекты «Волоцкий, Ржевский, Бельский», как кажется, нарушают эту схему (они просуществовали в титуле не слишком долго). Наконец, объекты «Ростовский, Ярославский, Белозерский», а затем «Удорский, Обдорский, Кондинский», по всей видимости, «отсылают» к северному направлению. Символично, что в полном титуле объектная часть завершается наименованием «Северной страны» (с 1554 г.).

Примечательно, что в объяснении русских дипломатов, относящемуся, впрочем, к значительно более позднему времени (1656 г.), Сибирь ассоциировалась с Севером. Таким образом, если рассматривать объектный титул в плане векторной локализации, то выявляется система, направленная на все четыре стороны света (на запад, на восток, на юг и на север). Косвенное подтверждение тому, что такая ориентировка могла иметь определённое значение, могут служить присутствовавшие в титуле (спорадически, а в случае с «Северной страной» даже устойчиво) обозначения, восходящие к наименованиям сторон света («землям Восточным, и Западным, и Северным... государь...») и т.д.).

2.4.4. Однако важным было не только реальное «содержание» объектного титула, но и символический смысл его структуры. Анализ этой структуры на протяжении почти всего времени существования объектного титула позволяет предположить, что в её основе лежал тернарный принцип. Конечно, его ни в коем случае нельзя абсолютизировать. Жизнь вносила свои коррективы, какие-то объекты добавлялись, некоторые исчезали, но в целом титул «стремился» к сохранению и воспроизводству этого принципа. Удивительно, что такое положение сохранялось, по-видимому, на протяжении почти всего времени истории объектного титула. В самом деле, первые признаки этого принципа прослеживаются уже в титуле Ивана III 1490-х гг., состоявшем из девяти (три по три) объектов, а в объектном титуле российских императоров второй половины XIX – начала XX в. мы видим ту же самую, чётко выдержанную тернарную структуру (6 царств, 6 великих княжеств, два раза по 12 княжеств и всего 24, 6 кавказских земель и 6 объектов родового титула). Устойчивые триады объектов вполне очевидны в следующих случаях: «Владимирский, Московский, Новгородский»; «Псковский (затем Смоленский), Тверской, Югорский»; «Пермский, Вятский, Болгарский»; «Новагорода Низовские земли, Черниговский, Рязанский»; «Волоцкий, Ржевский, Бельский»; «Ростовский, Ярославский, Белозерский»; «Удорский, Обдорский, Кондинский»; с конца XVI в. также «Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский». В соответствии с этим наименования вновь присоединённых территорий, как правило, добавлялись между этих триад и редко «разрывали» их (при этом, возможно, могло учитываться и общее число титульных объектов). Например, дополнение «Полотский» было внесено после «Рязанского» и перед «Ростовским». Существенно, что новые объекты не просто добавлялись в конец титула, а могли дополнять те или иные его части (причины их титульного местоположения в каждом случае требуют специального рассмотрения).

Именно тернарная структура, по всей видимости, определила тот факт, что кавказский территориальный атрибут также формировался по этому принципу: «государь Кабардинские земли Черкасских и Горских князей» (с 1589 г.), «государь Иверские земли Карталинских и Грузинских царей» (в этой форме с 1605 г.). Когда Алексей Михайлович в период войны с Речью Посполитой изменил царский титул, то на первое место выдвинулась новая триада – «Великия, и Малыя, и Белья России самодержец». В «Титулярнике» 1672 г. объектный титул проиллюстрирован 33 печатями (гербами) земель. Большинство они сгруппированы по три. Тернарная структура, без сомнения, восходит к символу Святой Троицы. Упоминание Троицы присутствовало и в самом государевом титуле при Василии III, Иване Грозном, Фёдоре Иоанновиче (в начальной, invocативной его части; как показал А.И. Филюшкин, первоначально упоминание Троицы в титуле возникло, по всей видимости, в дипломатической переписке с османским двором). Показательно, что впервые тернарная структура объектного титула появилась при Иване III. По мнению М. Агоштон, даже число букв в легенде на аверсе и реверсе знаменитой великокняжеской печати 1497 г., совпадает друг с другом (47) и, возможно, имеет символический смысл.

2.4.5. Кроме того, в объектном титуле заметны даже элементы ассонативного характера – речь идёт о паре «Удорский, Обдорский». Сопряжённость этих объектов обусловлена их географической близостью, но очевидно и чисто фонетическое созвучие (несмотря на то, что наименование «Удорский» должно было бы произноситься с ударением на первом

слоге). О том, что это созвучие ощущалось как вполне актуальное, свидетельствует геральдика: обе территории обозначались практически одинаковыми эмблемами / гербами ещё со времён Ивана Грозного.

2.4.6. Ещё одна любопытная особенность в структуре титула возникла в середине XVI в., когда в заключительной части объектного титула появилось обозначение «всея» (в большинстве случаев применительно к объекту «Северная страна»), корреспондировавшееся с аналогичным словом в начальной части («всея Руси»). Таким образом объектный титул как бы начинался с этого обозначения и этим же обозначением заканчивался. Это слово выполняло роль своеобразного «обрамления» всей структуры объектного титула, маркируя его начало и конец (впоследствии, с добавлением кавказской части эта особенность перестала быть очевидной).

2.5. Между тем, помимо структурно-символических характеристик объектного титула как системы, на его формирование, разумеется, оказывали важнейшее влияние и конкретные геополитические события и явления. Титул развивался, пополнялся новыми объектами, при этом некоторые объекты могли со временем исчезнуть (а потом даже появиться вновь), а другие сохранялись очень долгое время в качестве своего рода «воспоминаний». Важнейшие вопросы в этом контексте: порядок перечисления объектов в титуле и особенности отражения в нём реальной ситуации.

2.5.1. Некоторые принципы, влиявшие собственно на порядок перечисления объектов в титуле (такие, как статусность территории, время присоединения и географическая локализация), уже были упомянуты выше. Местоположение объекта в общем перечне определялось комплексом различных причин. Так, можно проследить некоторые географические закономерности, определяемые территориальной близостью объектов (вернее, их удалённостью от московского «центра»). В титуле Ивана III таковы сочетания «Новгородский, Псковский»; «Югорский, Вятский, Пермский», в титуле Василия III и его преемников – «Ростовский, Ярославский, Белозерский»; «Удорский, Обдорский, Кондинский». Сложнее определить, почему, например, «Рязанский» стоит после «Черниговского», а не наоборот (возможно, сыграла роль память о происхождении рязанских князей от черниговских?), или почему «Полоцкий» вклинился именно между «Рязанским» и «Ростовским». В некоторых случаях происходили инверсии: так, после «Югорского» при Иване III шли «Вятский» и «Пермский», а при Василии III и позднее – наоборот, сначала «Пермский», а затем «Вятский» (об особенностях понимания титула «Вятский» в 1490-х гг. в контексте дипломатической переписки с Польшей и Литвой см. работы В.А. Кучкина и М. Агоштон).

Одно из первых принципиальных новшеств в структуре титула произошло при Василии III (поводом для этого, вероятно, послужило взятие Смоленска). Титул был существенно дополнен и как бы разделён на две части: от «Владимирского» и до «Болгарского и иных» (краткий вариант), и от «Новагорода Низовские земли» до «Кондинского» (полный вариант), при этом вторая часть оказалась длиннее первой. Вторая часть открывалась (подобно первой) титулами «государь и великий князь». Появление нижегородского объекта в титуле (в начале его второй части), казалось бы, не находит адекватного объяснения (А.И. Филюшкин). Но, если проанализировать саму структуру титула, можно предположить, что это появление было обусловлено наличием Великого Новгорода среди объектов начальной части. В самом деле, наименование «Новгородский», стоящее сразу же после «Владимирского» и «Московского», как бы открывает первую часть объектного титула. Подобно ему наименование «Новагорода Низовские земли» открывает его вторую, вновь созданную часть. Здесь опять-таки мы, вероятно, сталкиваемся с некоторыми особенностями формальной структуры титула, оказавшими влияние на расположение тех или иных объектов в его составе.

2.5.2. Причины появления наименований тех или иных объектов в титуле далеко не всегда ясны. Очевидно лишь, что это появление не всегда связано с конкретными событиями, предшествовавшими ему в обозримом прошлом (на что уже обращали

внимание исследователи). Могли быть одномоментные пополнения титула сразу целым рядом объектов (как было при Василии III, что позволяет говорить в данном случае о настоящей реформе территориального титула). Тем не менее, начиная с Ивана Грозного титул довольно верно отражал реальность (фактическую или воспринимаемую таковой), постепенно пополняясь новыми элементами. С.М. Каштанов показал, что первоначально в объектный титул входили наименования тех земель, где власть великого князя «хотя и признавалась, но была недостаточно прочной». Именно таким был четырёхчастный территориальный титул Василия II. Иными словами, наименование «Московский» «покрывало» как бы собственно территорию владений великого князя, а остальные наименования (Новгородский, Ростовский, Пермский) очерчивали следующий, более широкий круг владений, которые подчинялись великому князю условно. При Иване III ситуация изменилась: объектный титул стал очерчивать весь круг земель, присоединённых к Московскому государству вполне фактически (хотя в реальности в ряде случаев «обладание» этими землями и не было полным, конкретные действия по их присоединению были совершены (походы на Казань, Вятку, Югру, присоединение Новгорода, Твери и т.д.)).

Если проследить дальнейшее развитие титула, можно заметить, что случаев «чистого» притязания, притязания, не подкреплённого никакими реальными действиями, в объектном титуле русских государей не было. Так, титул «Псковский» при Иване III был безусловно титулом обладания (так, как оно виделось в Москве), потому что псковским государем считался великий Московский князь. Титул «Рязанский» при Василии III (в 1510-х гг.) был также практически титулом обладания, потому что Рязанское княжество к тому времени утратило право вести самостоятельную внешнюю политику, что было равносильно признанию главенства Москвы. Более того, как видно на примерах Сибири и Кавказа, реальный статус новых земель (их присоединение или вассалитет) порой очень тонко и внимательно отражался в титуле, и нюансы этих территориальных «приобретений» влияли на соответствующие титульные формулировки.

В ряде случаев можно заметить значительную быстроту «реакции» титула на изменение состава подвластных России территорий. За исключением радикальных изменений (таких, как изменения при Иване III и Василии III) объектный титул весьма оперативно реагировал на события такого рода (взятие Смоленска, присоединение Казани и Астрахани, протекторат над Сибирским ханством и его последующее подчинение, взятие Полоцка и Юрьева, протекторат над Кахетией и Кабардой, протекторат над Карталинским царством, завоевания в период войны с Речью Посполитой при Алексее Михайловиче и т.д.).

Примечательно, что в ряде случаев эти дополнения были инициированы дипломатическими контактами со Священной Римской Империей Германской нации, объектный титул правителя которой мог быть формальным образцом для аналогичного русского титула. Так, наименования «Болгарский» (М. Агоштон), «царь Сибирский», «государь Иверские земли Грузинских царей и Кабардинские земли Черкасских и Горских князей» впервые зафиксированы именно в дипломатической переписке с самым «главным» на тот момент государством Европы.

В то же время некоторые объекты могли позднее из титула исчезнуть (как произошло с наименованиями «Волоцкий, Ржевский, Бельский»; некоторое время в титуле присутствовало даже обозначение «Ногайский»), а иногда возродиться вновь («Ростовский» при Василии III). Каждый раз это, очевидно, обуславливалось своими причинами, но, по-видимому, реальная утрата земель играла в этом процессе не последнюю роль. В случае «Волоцкого, Ржевского и Бельского» можно думать, что их исчезновение объяснялось «незначительностью» данных территорий, которая стала ощущаться со временем (когда-то, вероятно, они имели для титула определённую актуальность). В случае «Ростовского» следует иметь в виду, что он появился вновь не «индивидуально», а вкупе с рядом других объектов при «реформе» титула в правление

Василия III. Если объект, тем не менее, казался особо существенным, и память о нём сохранялась долго, то мог возникнуть титул воспоминания. Именно таковым был титул «Лифляндский», употреблявшийся даже в первые годы царствования Михаила Фёдоровича. Самым длительным по времени рудиментом оказалась «Северная страна», когда-то попавшая в титул и с тех пор из него не исчезающая – она «удержалась» в титуле вплоть до 1917 г., хотя уже в конце XVII в. никто не представлял, что же реально она когда-то обозначала. История ряда титульных наименований и выяснение причин их появления в титуле ещё требуют пристального исследовательского внимания.

2.6. Пример «Северной страны» может продемонстрировать опасность поспешных интерпретаций отдельных наименований титула при его исследовании. Недавно А.Л. Хорошкевич предположила, что под «Северной страной» царского титула следует понимать землю Норботтен, находящуюся на севере Скандинавского полуострова. «Калька перевода этого топонима и была занесена в титул царя в ходе русско-шведской войны 1556–1557 гг.» – полагает исследовательница. Свою гипотезу она подкрепляет на дипломатический документ 1556 г., где прямо указано, что «Нарботская земля» по-русски именуется «Северной страной». Эта версия вошла в работы А.И. Филюшкина как доказанный факт. Однако она вызывает сомнения: во-первых, русско-шведская война не привела к территориальным приобретениям России на севере Скандинавии, а во-вторых, наименование Северной страны вошло в титул царя раньше начала самой войны, ещё в 1554 г. (причём в интитуляции грамоты на Афон), и, как показал С.М. Каштанов, восходит к концу XV в., имея отношение скорее к системе обозначения сторон света, нежели к конкретному топониму. Свидетельство же документа 1556 г. может носить вполне независимый характер и объясняться более поздним по времени совпадением; причём эта интерпретация могла возникнуть не без влияния обозначения «Северной страны», уже к тому времени в титуле присутствовавшего. Наличие этой интерпретации ещё вовсе не означает, что именно таким образом и понимался данный объект титула.

2.7. Наконец, заслуживает глубокого изучения эмблематизация титульных территорий. Несмотря на то, что в этой области сделано немало (труды Г. Штёкля, Д. Линда, Н.А. Соболевой, Г.И. Королёва и др.), многие вопросы остаются. Один из них – это соотношение структуры объектного титула с системой комплекса земельных эмблем конца XVI–XVII вв. (на Большой печати Ивана Грозного, саадачном покровце Михаила Фёдоровича, саадаке и знамени Алексея Михайловича, тарелях 1675 и 1694 гг. и др.). Особенно интересен в этом отношении «Титулярник» 1672 г. Любопытно и декоративное оформление рисунков гербов в этом памятнике. Значительная часть эмблем титульных территорий сопровождается изображениями гранатов. Эти изображения – нескольких типов. Один из них – цветы граната, соединённые в виде креста или восьмиконечной звезды. Другой – раскрывшиеся плоды граната с множеством зёрен внутри. В европейской христианской культуре того времени гранат мог символизировать страдания Христа: красные зёрна напоминали о каплях пролитой крови Спасителя. Но широкое использование мотива раскрывшихся плодов граната в «Титулярнике» заставляет задуматься об особом значении этого символа, применительно к данному источнику. Не могли ли эти полураскрывшиеся плоды с зёрнами обозначать единство множества земель Российского царства? Как множество зёрен граната составляют один плод, так и множество территориальных объектов составляют единое целое под властью российских государей.